

Теория текста: объект и предмет исследования

А.А. Чувакин

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Современное состояние исследования текста в лингвистике позволяет поставить вопрос об объекте и предмете теории текста.

Объект теории текста. Объектом современной теории текста как науки является коммуникативная деятельность человека посредством текста.

Прокомментируем это положение.

В основе суждения об объекте теории текста лежит признание современной наукой *коммуникативной сущности текста*. Ср., суждения авторов, исследовательские позиции которых не близки. П. Хартман: « Все носители языка... говорят только текстами, а не словами и не предложениями» (Цит. по: Шмидт, 1978, 94-95). Р. Барт: «*Текст ощущается только в процессе работы, производства*. Отсюда следует, что Текст не может неподвижно застыть (скажем, на книжной полке), он по природе своей должен *сквозь что-то* двигаться (так у автора – А.Ч.)» (Барт, 1994, 415).

Коммуникативная сущность текста делает его открытым навстречу всем участникам акта коммуникативной деятельности, коммуникативной ситуации и в целом среде существования текста, является основой всей совокупности его функций (ср. приводимые в литературе перечни функций текста: социальная, системная, регулятивная, когнитивная, эмоциональная, референциальная; способ хранения и передачи информации, отражение психической жизни индивида, продукт определенной исторической эпохи, форма существования культуры, отражение определенных социокультурных традиций и др.). Признание коммуникативной сущности текста вводит его в круг интересов всех гуманитарных наук.

Коммуникативная функция текста кажется эмпирически данной; это зафиксировано, например, в шуточной характеристике высказывания как языкового целого, «после которого мы можем прервать своего собеседника, не показавшись невежливым» (Паардекопер).

В формулировке объекта теории текста содержится указание на *коммуникативную* (но не на речевую!) *деятельность человека*. Понятие коммуника-

тивной деятельности шире понятия речевой деятельности: второе входит в первое как ее важнейшая составляющая. И та и другая есть деятельность, содержание которой есть обмен информацией. Но если речевая деятельность осуществляется средствами языка, то коммуникативная – наряду с языковыми средствами использует и иные. Р. Якобсон подчеркивал: «Когда мы говорим, что язык или любая другая система знаков является средством коммуникации, мы не должны забывать, что при исследовании коммуникации нельзя накладывать ограничений на коммуникативные средства или ее участников» (Якобсон, 1985, 377). Так теории текста оказываются подведомственны тексты и языковые, и смешанные, и – в необходимых случаях – неязыковые.

В философской и психологической литературе, признающей многообразие форм деятельности, в соответствии с содержанием потребности различаются такие формы деятельности, как материальная и идеальная, теоретическая и практическая, психическая и физическая, правовая, эстетическая и др. Акты деятельности осуществляются в реальных жизненных ситуациях. Эти, последние, рассматриваемые как совокупность условий осуществления деятельности, представляют собой деятельностные ситуации – ситуации акта соответствующей формы деятельности. В реальных жизненных ситуациях формы деятельности сосуществуют, дополняют друг друга, переплетаются, противоречат друг другу.

Особая форма потребности – в обмене информацией – рождает коммуникативную форму деятельности. Взаимодействие коммуникативной и иных форм деятельности происходит в реальных жизненных ситуациях, которые в этом случае приобретают сложную структуру, детерминированную формами социальной деятельности: «Словесное общение неразрывно сплетено с общением иных типов... Оторвать слово от этого вечно становящегося, единого общения, конечно, нельзя. В этой своей конкретной связи с ситуацией речевого общения всегда сопровождается социальными актами неречевого характера (трудовыми актами, символическими актами ритуала, церемонии и пр.), – являясь часто только их дополнением и неся лишь служебную роль» (Волошинов, 1929, 105).

Обращение в нашем случае к понятию *деятельности* имеет несколько следствий делает возможным рассмотрение текста как двуединства процесса и продукта, что находится в русле тенденций современной науки.

Остается ответить на вопрос, где «прописано» в лингвистике знание об объекте теории текста. В (Чувакин, 1999) выдвинута гипотеза о том, что в структуре современной филологии на правах ее междисциплинарного ядра существует филологическая теория коммуникации. Ее задачей является изучение коммуникативной деятельности человека посредством текста.

В самом деле, если в первой половине XX века в центре, например, лингвистики находился язык как система, а в центре литературоведения – художественная литература как область искусства, то к концу века в центр той и другой науки становится категория *Homo Loquens*. Только в первом случае она выступает двуединством «Говорящий – Слушающий» в качестве носителя максимально обобщенных функций, а во втором – двуединством «Автор – Читатель» в качестве носителя функций конкретных. Развитие социальной реальности и соответственно коммуникативной деятельности посредством языка

обуславливает появление все новых и новых реализаций этих обобщенных функций, а также модификации функций традиционных: «Журналист – Читатель», «Рекламист – Рекламопотребитель», «Специалист по связям с общественностью – Общественность» и др.

В сущности, традиционная модель коммуникативного акта, в которую включаются, например, коммуниканты (Говорящий – Слушающий), текст, процессы говорения / понимания, ситуация коммуникативного акта, практические и коммуникативные цели, является лингвистической по своей природе моделью коммуникации в любом секторе социальной реальности. Поэтому изучение модели – ее состава, структуры, динамики – в разных сферах деятельности составляет задачи разных филологических наук (лингвистики, литературоведения, журналистики, теории рекламной коммуникации и др.), различающихся предметным материалом, а разработка общей теории представленной модели – задачу филологической теории коммуникации как области филологии.

Филологическая теория коммуникации имеет под собой лингвистическую базу – хотя бы в виду особой значимости языка как универсального средства коммуникации. Ср.: «Есть несколько причин, по которым язык есть и будет особо важен при изучении природы человека. Одна – та, что язык является подлинным свойством человека как вида, присущим в своих основных чертах только человеческим существам... Далее, язык решающим образом участвует в мысли, действии и социальных отношениях. Наконец, язык сравнительно доступен для изучения» (Хомский, 1995, 132). Именно естественный язык является первичной семиотической системой, вовлекающей в коммуникацию паразык и не-язык, вторичные семиотические системы, обеспечивающей психологическую, социальную, художественную, словом, все виды коммуникации – в качестве средства, интегрирующего коммуникативное пространство человека и социума.

Принципы построения предмета теории текста. Рассмотренные характеристики объекта исследования позволяют сформулировать базовые принципы предметизации объекта, то есть принципы построения предмета теории текста.

Их, по крайней мере два.

Первый: *общенаучный принцип системности* – задает общее направление построения предмета.

Системность как важнейший общенаучный принцип базируется на целостном видении объекта. Главная особенность системных исследований на современном этапе их развития (с 70-80-х г. XX в.), по оценке В.Н. Садовского, состоит «в переходе исследования от условий равновесия систем к анализу неравновесных и необратимых состояний сложных и сверхсложных систем»; «Каждая сложная система наряду с ее актуальным существованием в данный момент и в данном месте имеет свое потенциальное бытие, определяющее, чем данная система может быть при любых мыслимых условиях и чем она принципиально не может быть» (Садовский, 1996, 71, 73).

В соответствии со сказанным системное осмысление предмета теории текста предполагает сопряжение идей системности с идеей деятельности (Юдин, 1977) и оппозитивное рассмотрение текста и среды его существования.

Что для текста есть среда его существования? Ее составляют, во-первых, акт коммуникативной деятельности человека – в качестве первого слоя среды, или микросреды (может быть описана в терминах модели коммуникативного акта, центром которой и является текст); во-вторых, внешняя среда, в которой осуществляется коммуникативный акт, – в качестве второго слоя среды, или макросреды (культура, природа, социальная сфера, от которых, по оценке Ю.М. Лотмана, человек неотделим).

В среде текст существует – находится в непрерывной деятельности (ср.: «Для языка существовать – значит находиться в непрерывной деятельности. По-другому можно сказать, что формой существования языка является деятельность» (Звегинцев, 1996, 155)). Если это так, то оппозитивное рассмотрение текста и среды позволит «остановить» его в целях описания и зафиксировать как существующую целостность, преодолев при этом понимание текста как равновесной системы.

Второй: *специальнонаучный принцип коммуникативности* – содержательно конкретизирует направление построения предмета теории текста.

Применительно к тексту исследовательский принцип коммуникативности опирается на признание коммуникативной природы текста. Приведем два извлечения из сочинений Е.В. Сидорова, разработавшего методологию системного коммуникативного изучения текста: «Текст – это характеризуемая коммуникативностью система речевых знаков и знаковых последовательностей, воплощающая сопряженную модель коммуникативных деятельностей отправителя и получателя сообщений» (Сидоров, 1987в, 38-39). Коммуникативность определяется названным автором как «высшая категория текста, в наиболее общем виде фиксирующая многофакторную обусловленность текста как системы, его интегративное качество и динамический принцип организации» (Сидоров, 1987а, 3).

Признание данных положений *в принципе* (а серьезных возражений они как будто вызвать не могут), во-первых предопределяет, что оппозиция *текст – среда* рассматривается на коммуникативной основе, во-вторых, задает основные параметры такого рассмотрения, в-третьих, позволяет обнаружить в тексте обусловленные средой коммуникативные по своей природе характеристики.

Если «язык создает условия, делающие возможными любые формы духовной деятельности человека. Более того, он является неперенным компонентом всех этих форм» (Звегинцев, 1996, 168), то сама духовная деятельность осуществляется в процессе коммуникативном по своей природе взаимодействия человека и текста.

Итак, предмет теории текста будет построен как целое (принцип системности), коммуникативное по своей сущности (принцип коммуникативности).

Предмет теории текста. Предметом теории текста является текст. Далее в процессе оппозитивного рассмотрения текста в соотношении с микросредой установим его сущностные характеристики.

Микросредой существования текста является акт коммуникативной деятельности человека посредством текста. Примем традиционную модель коммуникативного акта, описанную, например, в (Городецкий, 1990): коммуникативный акт есть «законченная часть языкового взаимодействия, имеющая ес-

тественные границы». Если в состав модели коммуникативного акта ввести, в дополнение к тем, что перечислены, еще один компонент – язык, а также произвести некоторые терминологические корректировки, то состав модели примет следующий вид:

- Коммуниканты.
- Процессы вербализации и понимания.
- Язык.
- Текст.
- Обстоятельства коммуникативного акта.
- Практические цели.
- Коммуникативные цели.

Коммуниканты – текст. Коммуниканты, или по традиции, Говорящий и Слушающий, – функции, которые исполняет Homo Loquens в акте коммуникативной деятельности: Говорящий – быть порождающим текст, Слушающий – быть воспринимающим текст. Таким образом, Homo Loquens предстает в коммуникативном акте в раздвоенном виде – как Говорящий и как Слушающий.

Фундаментальным признаком Homo Loquens и соответственно Говорящего и Слушающего является активность в акте коммуникативной деятельности. «Мы хозяева текста» (Вайнрих, 1987, 54). Содержательно активность лежит в плане решения последними своих задач. А.И. Новиков справедливо подчеркивает, что задачи эти (когнитивные и коммуникативные) различаются разными акцентами: «если автор решает *преимущественно* коммуникативную задачу, ...то адресат решает *преимущественно* когнитивную задачу (курсив мой. – А.Ч.)» (А.И. Новиков, 2003, 98). Признак активности определяется, по крайней мере, двумя факторами: субъект-субъектным характером коммуникативной деятельности, что проистекает из субъектной природы человека (Чувакин, 1995, 10), и коммуникативной природой когнитивных свойств человека: Homo Loquens, обладая когнитивной базой знаний, оперирует ими исходя из необходимости решения тех или иных коммуникативных задач. Ср.: «при всезнании отпадает и нужда в коммуникации» (Дэвидсон, 1986, 109).

Говорящий и Слушающий обладают коммуникативно значимым набором характеристик. Традиционно они размещаются в следующих плоскостях:

- формально-демографической и этнографической;
- социальной, психологической и социально-психологической;
- культурно-антропологической;
- философско-мировоззренческой;
- когнитивной и коммуникативной;
- лингвистической;
- ситуативно-поведенческой и др.

По своей значимости для текста эти характеристики могут быть приравнены к тому, что В.А. Энгельгардт назвал внутренней средой человека: ими, каждой в отдельности, в разных соотношениях, совокупно, определяется облик текста.

Значимость для текста характеристик Говорящего и Слушающего традиционно описывается отдельно: в терминах языковой личности, речевой личности, коммуникативной личности, образа автора и образа читателя, образа

ритора и образа аудитории и др. Они сопрягаются в категории текстовой личности Номо Лоуэна. Она и есть тот фокус, в котором сходятся все грани коммуникативности текста. Категория текстовой личности репрезентируется в тексте в двуединстве субкатегорий – текстовой личности Говорящего и текстовой личности Слушающего.

Вербализация-понимание – текст. Вербализация – понимание – собственно деятельностные компоненты коммуникативного акта («самое деятельностное»). Это психолингвистические процессы, сущность которых состоит в порождении (вербализация) и восприятии (и понимании) текста, то есть в движении от смысла к тексту (при вербализации) и от текста к смыслу (при воспроизведении и понимании).

В процессах вербализации – понимания текст предстает процессно-предметным единством и может быть рассмотрен в цепочке: [текст как замысел –] текст как порождаемое – текст как продукт порождения (новый текст – 1) – **текст как объект понимания** (текст как реальность) – текст как понимаемое – текст как продукт понимания (новый текст – 2). Эта цепочка фиксирует этапы коммуникативных трансформаций (ср.: семиотические трансформации в (Лотман, 1996, 108)) в процессе вербализации – понимания. Стало быть, текст как таковой существует как два трансформации: новый текст – 1 и новый текст – 2, соединенные трансформационными отношениями (выявляются на этапах порождения и понимания).

Нам осталось лишь подчеркнуть значимость этапов, связанных с пониманием. В современной науке все более приживается мысль о том, что вне этого процесса текст, в сущности, он есть звуковая или графическая помеха, или, как пишет А.Г. Баранов, данное состояние текста – это «анабиоз», текст является «складом» (Баранов, 1994, 80). Учитывая это, мы и утверждаем, что текст существует в своих коммуникативных трансформациях как открытая их совокупность. Более подробно см. в (Чувакин, Бровкина, Волкова, Никонова, 2000).

И еще одно пояснение. Если количество трансформаций текста, осуществляемых при его вербализации, в принципе ограничено и, по-видимому, исчислимо (сами трансформации зафиксированы в устных, письменных, печатных и пр. источниках), то количество трансформаций, осуществляемых при восприятии текста, неограничено и неисчислимо в принципе. Если так можно сказать применительно к конкретному тексту, оно колеблется от нуля до бесконечности. Ср.: «Исчерпывающее прочтение литературного текста равносильно утверждению о крахе литературы» (Тодоров, 1998, 126).

Итак, текст, осмысливаемый в аспекте вербализации – понимания, может быть описан посредством категории коммуникативной трансформируемости: она раскрывает механизм существования текста.

Язык – текст. Язык в данном случае понимается в широком смысле – как семиотический объект. Это – и естественный язык, и пара-язык (иконические знаки, шрифтовые средства, средства звуковой фонации, кинетические, мимические и др.), и языки в лингвистическом смысле (художественные моделирующие системы – язык музыки, скульптуры, архитектуры и др.), и дискурсивные коды (коды, связанные с «обслуживанием» разных «социальных полей» (Бурдье, 1994) как сфер культуры – политики, науки, экономики и др.),

– словом, все знаковые системы, с которыми взаимодействует естественный язык в процессе деятельности Говорящего и Слушающего по вербализации и пониманию текста.

Если перечисленные знаковые системы рассмотреть применительно к Говорящему и Слушающему, то обнаружится, что они (системы) проявляют себя как универсальный предметный код («это стык речи и интеллекта. Здесь совершается перевод мысли на язык человека» (Жинкин, 1982, 54)); лингвистические коды; коды, связанные с другими знаковыми системами и дискурсивные коды (См.: «Анализ дискурса разработал новый, свободный подход к материалу, способность прочитывать тексты, «зная, что читаешь», способность, позволяющую не стать жертвой иллюзии прозрачности, непосредственности и очевидности смысла» (Серио, 1999, 52)); наконец, это, видимо, и коммуникативные коды, обеспечивающие «управление» перечисленными.

Рассмотрение текста в соотношении *язык – текст* позволяет определить текст как сложный знак лингвистической природы. Сложность этого знака задается рядом факторов, в том числе и тем, что он «соткан» из знакового материала нескольких систем, каждая из которых оставляет свой «след» в тексте; и сложными отношениями между представителями разных систем в тексте; и самим текстом как целым etc... и, разумеется, поликодовостью Говорящего и Слушающего. Тем самым создается базовое условие его интерпретируемости.

Обстоятельства коммуникативного акта – текст. Под понятие обстоятельств коммуникативного акта подводятся, во-первых, т.н. внешние условия вербализации – понимания (место, время, обстановка и пр., «скрепленное» актом совместной деятельности коммуникантов), и, во-вторых, «внешний мир» («действительный» и «возможные миры» (Дж. Серль), то есть то, к чему отсылает текст). Таким образом, обстановка – это внешние «потенциально релевантные элементы в контексте общения» (Брайт, 1975, 36). Характеризуя параметр обстановки, мы имеем в виду коммуникативный акт как таковой. Но коммуникативный акт во многих случаях оказывается «растянутым» во времени и-или пространстве». Текст в аспекте *обстановка коммуникативного акта – текст* может быть описан на основе двух категорий – ситуативности и эвокации. Если первая обеспечивает вывод текста в аспект прагматики, то вторая устанавливает отношения текста с внешним миром – миром действительности (реальной, вымышленной) и миром текстов.

Параметр *обстоятельства коммуникативного акта* в большой мере делает открытой микросреду текста, обращая ее в сторону макросреды.

Практические цели, коммуникативные цели – текст. Целевые компоненты занимают особое место в модели: они являются сквозными, связующими, пронизывают все другие компоненты. Это во многом объясняется целенаправленностью как атрибутом человеческой деятельности, целевыми характеристиками языка.

В практической цели значимо, что она связана с типом социальной деятельности, в которую вплетена деятельность коммуникативная. Практическая цель представляет собой образ практического результата, который предполагает достичь *Ното Локуэнс*. Коммуникативная цель – это намерение, установка, реализуемая при порождении текста.

Если практическая цель принадлежит человеку, то коммуникативная – тексту. Таким образом, рассмотрение текста в аспекте цели выводит текст на уровень исследования его прагматики (категория прагматической значимости текста) и выдвигает категорию коммуникативной направленности текста как реализацию фундаментальной цели коммуникации (воздействие на Слушающего, преобразование его сознания, достижение понимания и др.). Характеристика текста с точки зрения цели требует разграничения коммуникативной и риторической модели текста, поскольку в обоих случаях учитывается целевой компонент (см.: Основы общей риторики, 2000). По-видимому, водораздел в данном случае может быть построен на базе суждения Ю.М. Лотмана о том, что «в риторике порождение текстов имеет «ученый», сознательный характер» (Лотман, 1996, 48).

Итак, в русле коммуникативного подхода к тексту его можно определить как коммуникативно направленный и прагматически значимый сложный знак лингвистической природы, репрезентирующий участников коммуникативного акта в текстовой личности Ното Лоуиен, обладающий признаками эвокативности и ситуативности, механизм существования которого базируется на возможностях его коммуникативной трансформируемости.

Данное определение не содержит многих из традиционно приписываемых тексту признаков – целостности, связности, завершенности, членности и др. (Гальперин, 1980). Этот факт объясняется следующим. Большинство «канонических» признаков выделено и установлено при рассмотрении текста не извне (из среды его существования), а изнутри (как семантико-структурное образование). Более того, многие из признаков «канонических», иногда в ином обличье, приписываются и другим языковым объектам, прежде всего слову и предложению. Предъявленная выше совокупность признаков текста не отвергает признаки «канонические», но исходит из того, что они, при желании, могут быть выведены из сформулированных в данной работе.

Подведем некоторые итоги. «Современная лингвистика текста коммуникативна по своему существу», – писал в 1984 году Г.В. Колшанский (Колшанский, 1984, 122). Эта оценка не устарела и в начале XXI века. Коммуникативность лингвистики текста, продолжает цитируемый автор, «заставляет отказать от традиционной изоляции языка как предмета узколингвистического описания» (1984, 122-123). Вместе с тем, мы полагаем, лингвистическая основа теории текста сохраняется (нужно только помнить, что и сама наука о языке в начале XXI века во многом уже иная, чем, скажем, в 80-е г. XX в.).

Главной задачей теории текста на современном этапе ее развития является исследование существования текста: он находится «в вечном движении». Эта задача решается преимущественно в русле функционального подхода, в основе которого лежит признание коммуникативности текста, что и обеспечивает комплексное, интегративное изучение нашего предмета. Результаты, полученные в процессе такого исследования, выведут к пониманию и объяснению «жизни текста» (М.М. Бахтин).

Литература

- Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону, 1993.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Бурдые П. Начала. М., 1994.
- Брайт У. Ведение: параметры социолингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1975. Вып. VII. Социолингвистика.
- Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск, 1998.
- Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка (Основные проблемы социологического метода в науке о языке). Л., 1929.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1980.
- Городецкий Б.Ю. От лингвистики языка – к лингвистике общения // Язык и социальное познание. М., 1990.
- Дэвидсон Д. Истина и значение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка.
- Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
- Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.
- Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. М., 1996.
- Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.
- Новиков А.И. Текст как объект исследования лингвопсихологии // Методология современной психолингвистики. Барнаул, 2003.
- Основы общей риторики. Барнаул, 2000.
- Садовский В.Н. Смена парадигм системного мышления // Системные исследования – 1992-1994. М., 1996.
- Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- Сидоров Е.В. Основы современной концепции текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. н., М., 1987 (а).
- Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М., 1987 (б).
- Сидоров Е.В. Системное определение текста и некоторые проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы системной организации речи. М., 1987 (в).
- Тодоров Ц. Как читать? // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1998. № 6.
- Хомский Н. Язык и проблемы знания // Вестник Московского ун-та. Сер.9. Филология. М., 1995. № 4.
- Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования. Барнаул, 1995.
- Чувакин А.А. Заметки об объекте современной филологии // Человек – Коммуникация – Текст. Барнаул, 1999. Вып. 3.

Чувакин А.А., Бровкина Ю.Ю., Волкова Н.А., Никонова Т.Н. К проблеме деривационной текстологии // Человек – Коммуникация – Текст. Барнаул, 2000. Вып. 4.

Шмидт З. Философские предпосылки перифрастического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста.

Юдин Э.Г. Деятельность и системность // Системные исследования – 1976. М., 1977.

Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.